

Цикавый Сергей Анатольевич, Павловская Ольга Виленовна

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА И СЛУЖЕНИЯ СОЦИУМУ В СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена идеалу человека и его служению обществу в современной фантастической литературе. Рассмотрены связь жанра фантастики с идеалом как таковым, обозначены признаки, опираясь на которые можно говорить об идейном мире произведения. В качестве специфически современных признаков идеала выделены его принципиальный антидогматизм, поливариантность развития общества, свободный выбор объекта служения (группы, представляющей для субъекта социум), интенция на смыслотворчество. Идеал героя лишается черт безупречности и не подчеркнут каким-либо определенным пафосом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (48): в 2-х ч. Ч. I. С. 183-189. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

Статья посвящена идеалу человека и его служению обществу в современной фантастической литературе. Рассмотрены связь жанра фантастики с идеалом как таковым, обозначены признаки, опираясь на которые можно говорить об идейном мире произведения. В качестве специфически современных признаков идеала выделены его принципиальный антидогматизм, поливариантность развития общества, свободный выбор объекта служения (группы, представляющей для субъекта социум), интенция на смыслотворчество. Идеал героя лишается черт безупречности и не подчеркнут каким-либо определенным пафосом.

Ключевые слова и фразы: идеал; жизнеописательная фантастика; смыслогенез; диалогичность; экзистенциальное переживание свободы.

Цикавый Сергей Анатольевич, к. филол. н.
Донецкий национальный университет, г. Винница, Украина
s.tsikavyi@donnu.edu.ua

Павловская Ольга Виленовна, к. филос. н.
Тюменский государственный университет
neydacha@yandex.ru

ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕКА И СЛУЖЕНИЯ СОЦИУМУ В СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]

Современная, то есть охватывающая последние 25 лет, фантастика является антропо- и социоцентричной. Тем не менее, едва ли можно утверждать, что сциентизм окончательно преодолен, чему свидетельство – успех «Марсианина» (2012) Энди Вейера, «Ложной слепоты» (2006) и «Морских звезд» (1999) Питера Уоттса, «Отчаяния» (1995) Грега Игана. Однако нетрудно заметить, что даже в произведениях такого толка немалое внимание уделяется человеческому фактору, личностным трансформациям. В некотором смысле, для обывателя наука и техника – это уже магия. Соответственно, технические составляющие картины мира служат площадкой, исходной данностью для разговоров на вечные темы – о власти, свободе воли, любви, человеческой природе, законах человеческого общежития и пр. Концепция технологической сингулярности, вдохновленный ею мотив драматического разрыва между наукой и ее пониманием обществом – важнейший элемент художественных поисков даже так называемой «твердой» научной фантастики 2000-х гг.

Фантастика предоставляет автору такую степень раскрепощенности, что, скорее, провоцирует писать о должном, нежели приукрашивать сущее. Конечно, фантастика может быть и эзоповым изложением действительности (классический пример – творчество А. Н. и Б. Н. Стругацких). Но принимать ее лишь как иносказание или притчу было бы слишком упрощенным подходом. Полностью подчиненный единой фантазии мир, в котором не приходится оглядываться на историю или общеизвестные факты, соблазняет на воплощение самой смелой мечты, в том числе на то, чтобы «поселить» в этом мире идеального человека или даже целую расу идеальных людей.

Целью настоящего исследования является идеал человека и его служения обществу в современной фантастической литературе.

Разумеется, идеал – это некоторый предел, максимум напряжения воли, интеллектуальных и душевных сил, и отнюдь не обязательно произведение выстроено таким образом, чтобы показать нам именно точку экстремума. Однако такое положение вещей встречается довольно часто. Искусству формирование идеала более свойственно, чем, к примеру, философии, ведь последней приходится либо ссылаться на традицию (например, так делал Кун-цзы («Лунь юй», VI в. до н.э.) или философы-апологеты Средних веков), либо, концептуализируя, доказывать предпочтительность такого, а не иного морального облика идеального человека. Нередко это заканчивается опять-таки приемами искусства (у Ницше (напр., «Так говорил Заратустра», 1883-1885) Кьеркегора («Стадии на жизненном пути», 1845), русских философов Серебряного века): идеал обладает заражающей силой, а вовсе не логической стройностью и непротиворечивостью. Поэтому не кажутся преувеличенными ожидания, предъявленные фантастике / фэнтези (Ф/Ф), а именно – ожидания, что она покажет нам идеал человека и идеал социума.

Более того, Ф/Ф приписываются прогностические функции: например, бытует мнение относительно милитаризованного идеала общества в «Звездном десанте» Р. Хайнлайна, терминальной стадии развития общества потребления в «Хищных вещах века» А. Н. и Б. Н. Стругацких, «Часе Быка» И. Ефремова – якобы они экстраполировали современные пути развития капиталистических западных демократий [6]. Учитывая реализованные в тоталитарных государствах допущения в романе Дж. Оруэлла «1984» (1949), вполне возможно, что социальные прогнозы фантастов и есть тот самый общественный идеал (или же анти-идеал), который с вероятностью воплотится в самом ближайшем будущем. Это, фактически, означает, что мы имеем перед глазами не просто кристаллизованное в художественном образе представление об образцовом человеке, но и ориентир, на который будет нацелено буквально следующее поколение, а также страхи перед

определенными векторами развития. Ценность такого рассмотрения очевидна: Ф/Ф показывает нам, что именно мы хотим взять в качестве багажа в грядущие века – или же чего хотим избежать. Вечная архаичность моральных императивов может, таким образом, быть несколько откорректирована.

Ограничив *материал* исследования последними 25-ю годами (время жизни одного поколения), введем и другие, прежде всего, методологические рамки. Из соображений наглядности остановимся на жизнеописательной фантастике, т.е. таких произведениях, где сюжет охватывает значимую для становления героя часть жизни.

Для работы с понятием идеала введем в *методику* настоящего исследования литературоведческую категорию «идейный мир» произведения, предложенную А. Есиным, в которую входит помимо собственно идеи «система авторских оценок, авторский идеал и пафос произведения» [9, с. 38]. Идеал в литературном произведении может быть дан и апофатически, и катафатически: через то, чего быть решительно не должно, и через то, что желательно и даже необходимо. При этом, «независимо от прямой или косвенной формы выражения, авторский идеал остается важной стороной идейного мира произведения» [Там же, с. 40] – то есть, области художественных решений, одним из конститутивных элементов утверждения или же отрицания ценностной системы. Вероятно, нам не удастся окончательно избавиться от субъективизма, поскольку извечная проблема герменевтики здесь усугубляется искусственной задачей: нам важно не только понять смысл сказанного, но присвоить ему какой-то статус, то ли назвать героя и социум «идеальным», то ли просто «желательным» (оптимальным, предпочтительным и т.д.). Однако если внутри произведения (или ряда произведений одного автора) просматривается некоторое постоянство образа, типа, который побуждает противоположную ценностную систему, мы можем предположить более-менее уверенно, что это действительно авторский идеал человека. Разумеется, стоит оговорить два ограничения: во-первых, поскольку мы имеем дело с Ф/Ф, «человека» надо понимать максимально широко, т.е. как субъекта, который мыслит, чувствует и дает оценки. Во-вторых, победа протагониста не обязательно определяется наивно-реалистической (жизненной) интерпретацией развязки: герой выживает, достигает успеха, самореализуется, строит карьеру и так далее. Наоборот, моральный (ценностный) триумф может утверждаться через сюжетное поражение героя. К примеру, Карна из «Черного Баламута» (1997) Г. Л. Олди гибнет, поскольку перед решающей битвой сознательно отказывается от неуязвимости, демонстрируя превосходство личного мужества над предначертанием и порядком «благородного» мироздания в целом.

Сразу бросается в глаза некоторая общая тенденция. Дело в том, что любая художественная система вообще и литература в частности на заре своего существования рисует идеального человека непротиворечивым, цельным, побеждающим, отмеченным необыкновенной судьбой, владеющим ценными артефактами, характерными признаками. Например, центральные персонажи эпических поэм подчеркнута превосходят свое окружение. Идеальный человек может проиграть лишь богам или року. Ф/Ф очень рано перерастает это классическое понимание идеальности. Суперсила и совершенство становятся синонимом незрелости автора и шаблонности героя (т.н. «мерисьюшности»). Творчество уже-сложного мира избегает простых решений. К примеру, в классической научной фантастике гении, выдающиеся люди, творцы – то есть, персонажи, восходящие корнями к образу культурного героя, – часто выходят за рамки морали изображаемого мира («20000 лье под водой» (1870), «Робур-завоеватель» (1886) Ж. Верна), оказываются антагонистами («Продавец воздуха» (1929), «Властелин мира» (1926) А. Беляева, «Гиперболоид инженера Гарина» (1927) А. Толстого), а их противники наоборот сюжетно лишены каких бы то ни было черт превосходства. В принципе, герои-одиночки и избранники судьбы остались, но чаще встречаются в произведениях так называемой *kidult-fiction* («Гарри Поттер») [12]. Повторяется эволюция мифа: из серьезного объясняющего сказания о мире он постепенно превратился в представления «подростого» человечества в волшебную сказку, а в результате выпестовал сказку новеллистическую (социально-бытовую), дав основу реалистическому нравоописанию.

Тем не менее, идеальный человек современной Ф/Ф не похож и на героев реалистичной литературы середины XX – начала XXI века. Тотальность довлеющих над человеком сил (отмеченных и опознанных экзистенциализмом, постмодернизмом) вообще не дает родиться положительному идеалу: в качестве алгоритма существования предложен бунт, или соскальзывание в абсурд, или поиск индивидуальной формы сопротивления обездушиванию. Процесс здесь, по сути, важнее результата. Эта литература вроде бы отражает реальную жизнь, но в этой реальности, в силу ее сложности, в области идеала находится место лишь одной осторожной оценке: если человек «хотя бы не подлец» – этого уже достаточно.

Нельзя сказать, что реалистические тенденции не проникли в Ф/Ф. Однако в фантастическом мире герой не может вести себя с той же степенью обыденности, что и в реалистичной литературе. Такая обыденность, узнаваемость действий тоже наличествует в фантастической литературе, но в вымышленном антураже нередко создает иллюзию сказочности, «детскости». Жизнь мальчика, воспитанного призраками («Книга кладбища» (2008) Н. Геймана), детская игра в борьбе со спецслужбами киберпанкового мира («Марсианин» (2010) Н. Лесковой), игра на выживание, школа будущего гениальной Никки («Астровитянка» (2008) Н. Горькавого) – это сюжетика, собственно, *kidult*, архетипической основой для которой служит узнаваемый мотив человеческого детеныша Маугли.

Идеал человека, служащего обществу, оказывается попросту вытеснен в жанр Ф/Ф слишком честным реализмом «серьезной» литературы – и имеет свою специфику. Не обладая совершенством и превосходством, он: а) выполняет функции культурного героя (великого создателя и исследователя); б) является активным участником смыслогенеза (в некотором отношении, постичь происходящее, *предложить альтернативную модель действительности* важнее поступка); в) психологически вовлечен в ситуацию, остро заинтересован в ней (поэтому в произведениях современной Ф/Ф преобладает романная проблематика); г) не связан никаким общим эмоциональным тоном, маркирующим его как героя (иными словами, пафос произведения, представляющего нам

идеального героя, может быть абсолютно любим – от эпико-драматического до сатирического – последнее, возможно, связано с постмодернистским влиянием: любое искусство воспринимается «как бы игра» и отчасти цитирование старых смыслов); д) принципиально диалогичен (поскольку авторские оценки вынужденно выстраиваются между крайностями абсолютного догматизма и полного релятивизма, свойственного современности).

Попробуем подкрепить данное предположение анализом текстов Ф/Ф, основанным, в том числе, на результатах многократного перечитывания – этот методический путь является критерием научности в литературоведении [9, с. 13] избранных произведений, отличающихся военной тематикой. Думается, именно такой материал способен выявить характерные черты личного напряжения образа, ярко продемонстрировать осознанности видимых человеком в будущем страхов и надежд.

Роман Р. Хайнлайна «Звездная пехота» (“Starship Troopers”) (1959) поднял в фантастической литературе проблему связи гражданского долга и военной службы. Идеальный мир романа строился на трагическом пафосе: только готовность к самопожертвованию может давать право считаться подлинным гражданином. Поэтизация воинского долга возрождена в масштабном цикле Д. Вебера о Хонор Харрингтон (первый роман т.н. «Honorverse» – «вселенной Хонор» – вышел в 1993 году, цикл продолжается). Авторский идеал благородства, чести и достоинства неразрывно связан с воинским долгом. Аристократизм и милитаризм цикла сопряжен с критикой псевдодемократических общественных устройств: в частности, Вебер полемизирует с концепцией жизненных пособий, обеспечивающих достаточный жизненный уровень членов общества. Вместе с тем, в представленной картине мира негативно оцениваются и религиозные общества (критика сексизма, домостроя и т.п.), однако их преодоление автор видит только через идеал, сравнение с более конкурентоспособной цивилизацией.

В образе офицера королевского звездного флота Харрингтон прослеживаются отчетливые черты аристократического идеала, берущего истоки в британской традиции землевладения. В целом, многие другие черты авторского мира (типологическое подобие британско-наполеоновским войнам, ориентирование на сагу С. С. Форестера об офицере Хорнблаузере (1937-1967)) указывают на идеализацию британской монархической системы. В сравнении с идеалом Р. Хайнлайна Д. Вебер усложняет структуру своего мира, вводя противостояние политики (военно-политического руководства) с армейской честью, опирающейся на традиционные ценности.

Идеализация образа Хонор Харрингтон достигается не только через традиционные литературные приемы – придание ей черт бойца высокого класса, введения необычных навыков и особенностей (развитая кинестезия, врожденная переносимость высокой гравитации, уникальная обучаемость), – но и акцентированием ответственности за подчиненных, гипертрофированного чувства справедливости и долга (как отмечает автор в первом же романе «Космическая станция “Василиск”» (1993), «Ее долг всегда был единственным ее достоянием» [4, с. 208]).

Автор уделяет значительное внимание личностным качествам героини, подчеркивает обаяние и силу ее целостности: во многом благодаря стойкости и последовательности Харрингтон обзаводится друзьями и покровителями в высших слоях командования флота и даже в королевской семье Мантикоры. Пусть с оглядкой на рамки бюрократии и военно-политической машины, но крупные игроки принимают ее правду.

В структуре изображаемого мира Хонор Харрингтон изменяет локальные правила, выступает в функциональной роли культурного героя: помимо собственно культурного влияния на развитие общества Грейсона, ее образ является в некотором смысле «заражающим идеалом»: «Все больше и больше офицеров теперь следовали ее примеру» [Там же, с. 83], – типичная характеристика автором последствий нововведений Харрингтон. Проходя по карьерной лестнице, офицер не только противостоит сильному и коварному противнику, но и культивирует в окружающих сходные с ее собственными ценности – в первую очередь, личную ответственность командира за подчиненных, готовность вести за собой во исполнение долга, а не бездумно отправлять людей впереди себя, и этот фактор оказывает решающее воздействие на подчиненных: «...мы точно не были лучшей командой, когда прибыли на место. Но, клянусь Богом, адмирал, мы были лучшими, когда улетали оттуда» [5, с. 34] («Маленькая победоносная война» (1994)). Начиная с третьего романа «Поле бесчестья» (1994) Харрингтон последовательно сталкивается с плодами своей «школы», и автор убедительно показывает превосходство идеалов своей героини, уделяя внимание борьбе и победам воспитанников.

Во многом из схожих посылок исходит Г. Л. Олди (Д. Громов и О. Ладыженский) в цикле произведений об Ойкумене (в частности, в трилогиях «Urbi et Orbi» (2010-2011) и «Дикари Ойкумены» (2013-2014)): перед нами предстают нормированные общества технократов и рабовладельцев. Цивилизации Ларгитаса и Помпилии по-своему схожи в базовой жесткости картины мира, хотя на первый взгляд благополучная наукокрафия ларгитасцев более человечна, чем энергетический рабовладельческий строй наследников Рима. Тем не менее, Г. Л. Олди в обоих циклах уделяют значительное внимание проблеме личной свободы: по сути, многообразие граней ее постановки едва ли может быть охвачено настоящим исследованием.

Интересно проследить идеал именно в «Дикарях Ойкумены» (2013-2014), поскольку милитаристическая составляющая общественного строя позволяет провести сравнение с харрингтонским циклом Д. Вебера. Мир Помпилии в романе строится на фантастическом допущении об энергетическом рабовладении: энергетический баланс цивилизации опирается на захват и «клеимление» рабов, в ходе которого поработанные превращаются в пожизненный источник дармовой энергии. Как результат, космическая держава строит свою экспансивную политику на поиске новых населенных планет – потенциальных «грядок». Главный герой трилогии Марк Тумидус обучается именно как либурнарый, солдат, специально тренированный для поиска и сбора рабов.

Авторский идеал в данном случае воплощается в личностном поиске героя. В течение сюжета трилогии Марк познает грани свободы и тонкости не-свободы. То, что в романах Д. Вебера диктовалось моральными императивами героини, кодексом чести офицера флота, в романах Г. Л. Олди метафоризировано в целом комплексе фантастических решений рабовладельческого будущего: это и частичное рабство младшего по званию в системе

управления боем (т.н. «корсет»), и принятие ответственности за судьбу новооткрытой разумной цивилизации, и освобождение от самой рабовладельческой сути материнской цивилизации. По ходу сюжета значительное внимание уделено внутренним противоречиям Марка: с развитием и выходом на новые горизонты, герой все чаще спорит сам с собой, его мышление диалогизируется. Сохраняя верность воинскому долгу, ни на секунду не сомневаясь в правильности собственной цивилизации, Тумидус растет до осмысления личной картины мира.

Во многом похожа сюжетная роль Хонор Харрингтон и Марка Тумидуса: оба, будучи офицерами относительно невысокого ранга, с развитием циклов оказываются точкой соприкосновения множества внешних и внутренних конфликтов, однако при рассмотрении в системе идейных миров их схожесть заканчивается. Офицер Харрингтон большинство коллизий разрешает в полном соответствии со своим говорящим именем (англ. *Honor* – «честь»), тогда как Марк в критических ситуациях только сначала опирается на подобные ценности. Г. Л. Олди абсолютизируют само движение разума, познания – в том числе и в пространстве (мир Ойкумены, его физические законы, распространяются вместе со своими детьми). Соответственно, Марк как частица своей вселенной оказывается носителем, зерном контакта с абсолютно чуждым миром.

Трилогия «Дикари Ойкумены» дает «предварительный набросок смысла» [7, с. 234]: Тумидус (элемент системы) осмысляет вечную зависимость людей друг от друга (метафорически выражаемых в виде рабства, «вампиризма» через жертвоприношение и пр.). Столкновение похожих миров ведет к увеличивающейся гибкости оценок, вариативности кастового деления и другим важным переменам в реалиях вымышленного мира. Складывается ощущение, что идеал Г. Л. Олди – это творчество в заданных координатах, эволюционное преобразование системы, причем подчеркнутый милитаризм структуры, в которой оказался герой, играет положительную роль: устав и воинские традиции помогают сохранить культурное ядро личности. Однако если осуществить хотя бы один «цикл» герменевтического круга, соотносить часть (трилогию) с целым (общим литературным наследием авторов), мы заметим неожиданное размывание этой первичной определенности. Оказывается, можно и целиком выйти из отношений раб / господин (и даже из всякого симбиоза с людьми). В небольшом произведении с характерным названием «Давно, усталый раб, замыслил я побег...» (2002) авторы демонстрируют иной идеал – совершенной свободы и тотального одиночества, неразрывно с нею связанного. Здесь главный герой отказывается от служения людям, от нужды в людях – в некоем фантастическом мире взаимодействие сводится к демиургической деятельности и редким произвольным актам дарения друг другу её плодов. Движение разума и познания не знает ограничений, следовательно, в какой-то момент оно должно перерасти привычные общественные структуры – это тоже по-своему прекрасно, хотя такой псевдодаосский идеал для авторов явно не слишком типичен, о чем свидетельствует структура идейного мира трилогии «Черный Баламут», которую мы рассмотрим ниже.

По-другому обыгрывается тема служения и, конкретно, воинского долга в цикле романов о Майлзе Форкосигане Л. М. Буджолд (серия выходит с 1986 г., последний роман написан в 2012 г.). Один из населенных миров этой Вселенной (Барраяр) по ряду исторических и политических причин настоятельно нуждается в самоотверженном служении, чтобы не проиграть в гонке многочисленных человеческих миров, от которых он оказался надолго отрезанным в результате катастрофы. Однако все положительные (и в отдельных книгах – центральные) герои цикла относятся к данной задаче по-разному. Графиня Форкосиган (героиня романов «Осколки чести» и «Барраяр») крайне невысоко оценивает политическую систему Барраяра, изначально она лишь assiste человеку, в которого влюблена («Люди важнее принципов» [1, с. 473]). Затем, по оценке Майлза Форкосигана, совершает миссию культурного героя, чтобы подогнать Барраяр под более демократические стандарты («Мать – необыкновенная женщина. Когда столкнулись она и Барраяр, измениться пришлось планете» [Там же, с. 407]). После чего она готова вкладывать силы в служение – без этого все жертвы напрасны, и ее здравый смысл протестует против них. Лорд Марк Форкосиган рассматривает новообретенную родину как бизнес-проект, нуждающийся в инвестициях. Он в поте лица работает на Барраяр (но, как настоящий бизнесмен, не складывает все яйца в одну корзину, а сфера его интересов вообще охватывает весь населенный космос). Одна из возлюбленных Майлза эмигрирует, унося ценности своей планеты (служения, чести, верности) с собой, поскольку слишком связана грузом личной трагической истории, другая отказывается оставить космос и поселиться на планете, так как не видит способа реализовать здесь свои профессиональные навыки. Иными словами, обеим негде реализоваться на отсталой аграрной планете – следовательно, они не могут полноценно служить ей и без лишнего угрызений совести выбирают другие ориентиры. Наконец, три поколения Форкосиганов, граф Петер, Эйрел Форкосиган и Майлз Форкосиган служат, согласно присяге, кровью и потом, всей жизнью Барраяру. При этом Майлз четко отделяет ложное служение от истинного: «Настоящее предназначение берет все – до последней капли крови, да еще выжмет тебе вены, чтобы убедиться, что больше ничего не осталось, но возвращает вдвойне. Вчетверо. В тысячу раз больше!» [3, с. 331]. Совершенно очевидно, что именно такому, жертвенному, очень личному служению отдает предпочтение автор (именно сцены утверждения такой линии насыщены наибольшим драматизмом, являются кульминационными), однако и другие варианты «отыграны» героями, пользующимися безусловными симпатиями. Больше того, идеал бескорыстного (без остатка) служения исповедуют и злейшие враги Барраяра – лучшие представители империи Цетаганда. Кажется, именно разнообразие моделей служения и, конкретно, военной службы необходимы для гармоничного существования этого мира.

Это характерные примеры фантастики, устремленной в будущее (альтернативные истории, развертывающиеся в освоенном космосе, в мире высоких технологий). Однако существует большой пласт фантастики, ориентированной в прошлое, особенно в средневековье. Средневековье – это время без единства человечества (хотя бы в представлениях), без консолидации, тем более, без мировых правительств. Поэтому служение людям – проблематичный концепт. Видимо, для авторов, специализирующихся на псевдо-Средневековье,

выбор своей «репрезентативной группы», которая будет ассоциироваться у героя с «людьми», «обществом», «человечеством», в идеале, должен происходить свободно. Как правило, такие произведения строятся либо по принципу «туда и обратно» (отбить атаки явного зла и вернуться к статус-кво, возможно, поменяв правящую элиту или даже помогая определенным богам) – таков, например, «дренайский цикл» Д. Гэммела (1986-2004), цикл романов «Орден Манускрипта» Т. Уильямса (1988-1998), «Сага о видящих» Р. Хобб (1995-1997), либо подразумевают бесконечную вариативность моделей служения – то своему роду, то личным представлениям об абстрактной справедливости, то конкретному правителю – так происходит в «Песни льда и огня» Дж. Мартина (1991 – настоящее время). Предпочтения авторов здесь практически всегда находятся не на стороне универсализма (что демонстрируется превосходством локальных культур над разного рода империями). Общество начинается с локальных групп, с тех правителей, с которыми герои устанавливают личные отношения. Происходит либо существенная ревизия обветшалых идеалов, «перезагрузка» системы, либо отказ воспринимать общество как нечто целое, фрагментация его. Зачастую служение малой группе или «хорошему» правителю подвергается губительной деформации еще быстрее, чем служение устойчивой государственной структуре или монокультурному обществу, однако хаос не является здесь чем-то однозначно негативным. Возможно, читателя подводят к мысли, что постоянная динамика общества и его ценностей, постоянная необходимость выбора, чему служить и какими методами пользоваться, и есть идеальное состояние человека, сопряженное с возможностью тотальных ошибок и, опять же, риском полного одиночества. Это, впрочем, не опровергает наших наблюдений об идеале героя в современных Ф/Ф. Больше того, сталкиваясь с жанром героического фэнтези современности, мы понимаем, что в сюжете все противится обесмысливанию, каждый поступок героя потенциально или актуально становится отправной точкой нового смыслогенеза.

Трилогия фэнтези «Черный Баламут» создана Г. Л. Олди в 1997 году на материале древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Три книги – «Гроза в Безначалье», «Сеть для миродержцев» и «Иди куда хочешь» – описывают ретроспективно судьбу полководцев Кауравов Гангеи Грозного, Дроны Брахмана-из-Ларца и Карны Секача, а через их судьбы – пришествие Эры Мрака в мир.

Фактически, читатель присутствует при творении нового мира и попытке взрастить идеального человека. Традиционные ценности индуиста – долг, польза, любовь – лишаются гармоничного единства. По проекту Вишну-Опекуна схема упрощается: человеческому миру надлежит быть нормированным под пятой Великой Бхараты – империи, где властвует один закон для всех. Любовь низводится до уровня инструмента, Закон легко обходится, и только Польза в силу своей сугубой рациональности признается безоговорочным этическим принципом.

Проект вселенной Вишну-Опекуна грандиозен: «Тримурти, Локапалы-Миродержцы, суры-асуры, наги, гандхарвы, якши, ракшасы, люди... Не слишком ли много кирпичиков? И где ты видел здание из совершенно разных кирпичей?! Стареешь, Дьяус... проще надо, проще!» [10, с. 38]. Однако даже люди оказались слишком сложны для бога.

Некоронованный император Гангея Грозный (Бхишма), которого искренне считают ревнителем закона, оказывается трагично свободным человеком: он перечит божественному предначертанию, отказывается от брака с любимой женщиной и по благословию отца даже день смерти может избрать по собственному желанию. Вместе с тем он ограничен обетом не отказывать просящему, сословным и державным долгом. Кульминацией для понимания авторского идеала становится победа Гангеи над порочным извращением Закона в нем самом – уродливой ипостасью Долга Кшатрия. Сила небесного оружия, данная ему Парашурамой, породила в нем ощущение всевластия, непобедимости. И в и без того сложном поединке с собственным учителем Грозный одерживает куда более важную победу, отказываясь от триумфа любой ценой: «– Победить самого себя – что может быть трудней? – тихо произнес Рама, при всех говоря для двоих. – Когда-нибудь ты поймешь это, малыш...» [Там же, с. 287]. В этом смысле Гангея оказывается идейным антагонистом мира Кришны, в котором воину позволено всё. Вопреки напряженной внутренней борьбе Грозный продолжает служить своему долгу кшатрия: он защищает и укрепляет свою державу. Таким образом, мы видим ревизию идеала служения, заключающуюся в перестановке акцентов: победа любой ценой неприемлема, хотя пока еще не противоречит ни закону / долгу, ни пользе. Олди вносят в сюжет иные смыслы, свойственные, скорее, западной культуре: Гангея действует не из кармических соображений, а по лекалу рыцаря, который ищет достойного противника и отказывается от бесчестных средств борьбы. Долг кшатрия выполняется не ради пользы, но от щедрости по-настоящему сильного правителя.

Во второй книге, посвященной брахману-воину Дроне, рожденный как идеальное сочетание двух варн, Брахман-из-Ларца должен был любить только по приказу, но человеческая сущность в нем торжествует над своеобразной программой. Авторы вводят в текст символический образ зеркала: Дрона мгновенно отражает любое знание, но со временем зеркало идеального ученика мутнеет. Брахман поневоле усваивает чужие мировоззрения, поскольку знание всегда субъективно. И он начинает генерировать новые смыслы, пытаясь свести их во что-то единое. Долг и служение в его образе усложняется борьбой между истинным и ложным, извращенным.

Карна, сын Лучистого Сурьи и земной женщины, с детства показан свободным в сравнении с героями предыдущих книг: он воспитывался колесничим, презрительно относился к долгу перед державой. Однако ему только предстояло понять, какими причудливыми могут быть грани свободы. В самоочевидное, казалось бы, явление свободы умещается и отказ от побега из тюрьмы, и добровольные жертвы. Парадоксально, что главный урок свободы Карна получает не от учителя Парашурамы, который преподавал главные истины и Дроне, и Гангее, а от «грязного нишадца» Экалавьи – непрошенного ученика Брахмана-из-Ларца: «Свобода – это возможность выбирать» [11, с. 816]; «Только внутренне свободный человек может добровольно предпочесть заточение побегу!» [Там же, с. 818]. И Карна умер свободным человеком, отказавшись от дареной отцом неуязвимости и предложенных милостей Кришны. Этический аспект служения в образе Секача

интерпретируется именно в категориях личностных отношений: герой вступает в конфликт со своим «сюзереном» Грозным, но остается верен ему и его идеалу государства – по собственному выбору.

Обращают на себя внимание два показательных компонента авторского идеала в данной трилогии – ядерные, как представляется: это первичность любви в системе ценностей и свобода выбора. Несмотря на проекцию в прошлое, несложно отметить равноуровневый диалог с современностью – от ернических парафразов («шараштха» – некий аналог советского закрытого института, «ящика», «шарашки») до узнаваемых реалий НЛП, клонирования, генного манипулирования, тоталитарной идеологии (общество из «одинаковых кирпичиков»). Именно в этом разрезе осовременивания предстает актуальность анализируемого идейного мира. Авторы ведут активный диалог с эзотерической (ведической) историей, в которой Эра Любви, всеобщая гармония остались в далеком прошлом – и в сердцах людей, которые не смиряются с мыслью о вступлении в Эру Мрака. Концептуализированный в поступке Карны идеал свободы проясняет позицию уклонившихся от битвы на поле Куру – Парашурамы и Баларама: эти персонажи не просто отказались от участия в чужом жертвоприношении, братоубийственной бойне, но и проявили внутреннюю свободу, и именно поэтому ошибся новоявленный господин Кришна: «С Любовью покончено» [Там же, с. 945].

Экзистенциальное переживание свободы предопределяет у Олди переосмысление всех предначертаний, даже самых благоприятных. Наличие других, столь же свободных субъектов ведет к бесконечной вариативности планов идеального (в классическом смысле слова) общества, которое, разумеется, в результате делается либо идеально-пустым, либо не идеальным. Становится ясно, что авторы целиком на стороне этого разнообразия, хаоса, и этот приоритет перекликается с пафосом фэнтезийного Шалионского цикла Л. М. Буджолд. В романе «Паладин душ» (2003) эта максима легализуется богом Лордом Бастардом: «Мы жаждем душ, овеванных славой, а не непогрешимых, иначе Мы давно бы иссохли и сидели в одиночестве со Своей совершенной правотой» [2, с. 458].

Войдя в герменевтический круг, мы замечаем, что в героическом фэнтези Олди замеченная тенденция устойчива: об этом написаны «Пасынки восьмой заповеди» (1996) (создано по мотивам польского средневекового и цыганского фольклора), здесь герои освобождают от предназначения Великого Здрайцу (инфернального и могучего, но жаждущего обрести выбор); об этом говорит «Ожидающий на перекрестках» (1995), мифологическое фэнтези, бичующее ложное служение Предстоятелям, которые аккумулируют людскую веру, ничего не давая взамен. Поэтизация бунта самых сильных, самых «устроенных» в жизни, но вынужденных действовать «по программе», дополняется мыслью о том, что новые смыслы могут и должны быть почерпнуты у самых разных представителей общества – маргиналов, самозванных учеников, бродяг, цыган, воров, верных исполнителей высшей воли. Нет ничего хуже стагнации; даже для слабых мира сего предпочтительнее действие, чем пассивное принятие статус-кво. Олди показывают, что полное разрушение структуры (общества, государства) – не самый худший вариант развития событий для человека. Вечная зависть совершенного разума к человеческой воле и слабости неявно подводит читателя к установке гордиться человеческим родом. Служение обществу, основанное на взаимности, культурная миссия, заключающаяся в постоянной выработке новых алгоритмов сосуществования, свобода и приносимая ею сила – вот идеал Олди, вычленяемый в результате анализа фэнтезийных произведений авторов.

Итак, наше дивинаторное понимание идеала человека и его служения обществу в современной фантастической и фэнтезийной литературе пока подкрепляется и дискурсивным пониманием. Действительно, у рассмотренных нами авторов наблюдается схожая модель: служение понимается как результат свободного выбора; героям свойственен антидогматизм, иные стратегии поведения рассматриваются как паритетные; принципиальные изменения, вносимые героем в структуру мироздания и / или радикальное противоречие с мирозданием, которое заканчивается глобальным структурным кризисом – при этом стабильности не отдается принципиального предпочтения перед хаосом; допускается ситуативность моральных оценок при наличии глубоких (часто интуитивных) внутренних убеждений; присутствует диалогизм героев. Поливариантность развития ситуации – это не уступка человеческому несовершенству, а необходимое и желанное условие богатого смыслогенеза.

Список литературы

1. Буджолд Л. М. Братья по оружию // Буджолд Л. М. Границы бесконечности. Братья по оружию. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 610 с.
2. Буджолд Л. М. Паладин душ. М.: ООО «Издательство АСТ»; Транзиткнига, 2005. 512 с.
3. Буджолд Л. М. Танец отражений // Буджолд Л. М. Танец отражений. Память. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 712 с.
4. Вебер Д. Космическая станция «Василиск». М.: Эксмо, 2003. 416 с.
5. Вебер Д. Маленькая победоносная война. М.: Эксмо, 2003. 432 с.
6. Веров Я. Хищные вещи века или век голода и убийств? (Сравнительный опыт великих советских антиутопий): эссе // Настоящая фантастика / сост. Г. Гусаков. М.: Эксмо, 2014. С. 685-697.
7. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. 744 с.
8. Горалик Л. Как размножаются Малфои. Жанр «фэнфик»: потребитель массовой культуры в диалоге с медиа-контентом // Новый мир. 2003. № XII. С. 131-146.
9. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. Изд-е 3-е. М.: Флинта; Наука, 2000. 248 с.
10. Олди Г. Л. Гроза в Безначалье // Олди Г. Л. Черный Баламут. М.: Эксмо, 2003. С. 7-322.
11. Олди Г. Л. Иди куда хочешь // Олди Г. Л. Черный Баламут. М.: Эксмо, 2003. С. 667-978.
12. Peckie A. The Irresistible Rise of the “Kidult” [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thebubble.org.uk/literature/the-irresistible-rise-of-the-kidult> (дата обращения: 14.04.2015).

IDEAL OF MAN AND SERVICE TO SOCIETY IN MODERN FANTASY LITERATURE

Tsikavyi Sergei Anatol'evich, Ph. D. in Philology
Donetsk National University, Vinnitsa, Ukraine
s.tsikavyi@donnu.edu.ua

Pavlovskaya Ol'ga Vilenovna, Ph. D. in Philosophy
Tyumen State University
neydacha@yandex.ru

The article is devoted to the ideal of a man and his service to society in the modern fantasy literature. The relation of the fantasy genre and the ideal as such is considered, and the signs, basing on which we can talk about the ideological world of the work, are identified. As the specific modern features of the ideal the authors reveal its fundamental antidogmatism, the multiplicity of social development, the free choice of service object (the group representing the socium for the subject), and the intention to sense-creation. The ideal of a hero is deprived of the features of perfection and is not marked by any particular pathos.

Key words and phrases: ideal; life narrative fantasy; sense-genesis; dialogic nature; existential experience of freedom.

УДК 070.1

Филологические науки

Данная статья посвящена журналистике данных, которая, по нашему мнению, в будущем может стать неотъемлемой частью работы мультимедийных редакций. В работе анализируется текущее положение дел в масс-медиа, выявляются основные проблемы (в том числе проблемы объективности, верификации и авторитетности автора), делаются прогнозы относительно будущего сетевых СМИ, непосредственно связанного с журналистикой данных.

Ключевые слова и фразы: теория журналистики; масс-медиа; методы журналистики; концепции журналистики; сетевые СМИ; интернет-СМИ; Интернет; журналистика данных.

Чернецкий Петр Петрович

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
qickweb@gmail.com

ЖУРНАЛИСТИКА ДАННЫХ КАК ФАКТОР ОБЪЕКТИВНОСТИ В СЕТЕВЫХ СМИ[©]

Известно, что темпы жизни человечества с каждым годом убыстряются, и также быстро происходят изменения во всех сферах жизни и деятельности, в том числе в журналистике.

«Этот феномен наблюдается повсеместно, поэтому катастрофы не будет, но что произойдет с современной цивилизацией?» [2], – задаются вопросом В. П. Попов и И. В. Крайнюченко в своей работе «Чем грозит человечеству ускоряющееся развитие». Они сами отвечают на него: каждый раз социальные формации будут трансформироваться во что-то новое, более приспособленное к текущему положению дел. Соответственно, меняться будет и журналистика, адаптируясь к новой социальной формации.

Приведем цитату кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника кафедры социологии журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Т. В. Шумилина.

«В условиях коммерциализации СМИ, превращения информации в товар и подчинения законам рынка проблема выявления работающих принципов деятельности СМИ становится все более сложной» [4, с. 160].

Тема нашей работы, несомненно, актуальна. Сегодня во всем мире тиражи печатных изданий падают с огромной скоростью (в России это связано не только со спадом интереса населения к печатной продукции, но и с неграмотной, по нашему мнению, политикой «Почты России», повышающей стоимость доставки газет конечному потребителю). С большой вероятностью в ближайшие несколько лет крупнейшие российские издатели неизменно будут смещать свой интерес с «принта» на «веб». В этой связи мультимедийным редакциям крайне важен поиск новых творческих стратегий для работы, а также новые методы верификации информации.

Цель нашей работы мы видим в том, чтобы описать текущее положение дел в современной журналистике, спрогнозировать возможные пути ее развития, а также выявить новые методы журналистского творчества, которые смогут использовать многие сетевые СМИ.

Цель работы обуславливает постановку следующих задач:

- 1) проанализировать текущее положение дел в масс-медиа;
- 2) выявить проблемы, с которыми сегодня сталкивается журналистика;
- 3) проследить историю зарождения и развития журналистики данных (Data-driven Journalism);
- 4) показать, как журналистика данных может быть полезна сетевым СМИ.